

АРМИЯ ШУТИТ

АНТОЛОГИЯ
ВОЕННОГО
ЮМОРА

Валерий Евгеньевич Шамбаров

Армия шутит. Антология военного юмора

Серия «Юмор – это серьезно»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24918512

*Валерий Шамбаров. Армия шутит. Антология военного юмора:
Алгоритм; Москва; 2017
ISBN 978-5-906914-40-8*

Аннотация

Самые веселые и жизнерадостные люди на свете – это не юмористы, не студенты, не одесситы. Это русские военные. Они шутят всегда и везде, в любой ситуации, даже когда совсем худо и остается только позубоскалить над своим положением. Известный писатель Валерий Шамбаров, долгое время прослуживший в армии и до сих пор сотрудничающий с военными структурами, представляет читателю книгу баск, шуток, юмора и фольклорных перлов, собранных и записанных им по ходу службы.

Содержание

От автора	6
Армейские байки	9
Гусарские традиции	9
На чем горели шпионы?	12
Сыны степей	14
Шуточки	17
Прогулялись	20
«Красные» и «белые»	22
Что написано пером...	24
Как выполнять приказы?	26
Военная кафедра	28
Доклад	31
Глазомер, быстрота...	33
Рекордсмены	34
Ядерные удары и панфиловцы	35
На «точках»	38
Солдаты из подземелья	41
«Тонким слоем...»	42
Таинственный отец	44
Когда жениться?	47
Стенгазета	48
Четкий замер	49
Поздравление	50

Одуванчики	51
Офицерская смекалка	53
Не рой другому яму!	54
Стройбаты	56
Экзотическое блюдо	60
Загадки русской души	61
Язык мой – враг мой	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Валерий Шамбаров

Армия шутит. Антология военного юмора

© Шамбаров В.Е., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

От автора

Кто самые веселые и жизнерадостные люди на свете? Юмористы? Нет. Они шутят профессионально, по работе, а в быту многие из них бывают довольно скучными людьми. Студенты? Опять нет. Они и раньше веселились не всегда, а только от сессии до сессии. А сейчас им постоянно приходится о заработках думать, тут не до веселья. Одесситы? Опять нет. Они уже просто свой имидж поддерживают, вспоминают и повторяют старое, чтобы сохранить традиционное «лицо». Врачи, учителя, чиновники, заведомо отпадают. Им по своему положению не положено быть несерьезными. Коммерсантам тем более. Кто же пойдет лечиться к несерьезному врачу или заключит сделку с несерьезным бизнесменом. А за несерьезного политического деятеля избиратели разве проголосуют?

Самые веселые люди – это русские военные. Так уж испокон веков повелось. Историки отмечают развитое чувство юмора у большинства знаменитых полководцев – св. Владимира Крестителя, св. Александра Невского, Петра I, Суворова, Кутузова, Скобелева. Шутили их офицеры, шутили солдаты. Ведь не зря же в народе рождались сказки про солдатскую кашу из топора и анекдоты про поручика Ржевского, писались поэмы и картины с Василием Теркиным.

Военные шутят всегда и везде. В походе, на привале, по

ходу учебных занятий, работ и на дежурствах, когда делать нечего. Шутят на войне, в боях – там без этого вообще нельзя. Даже когда совсем тошно и, казалось бы, не до шуток, вот тут-то и шутят. Иначе, если раскиснуть, совсем хана. А шутка и самого подбодрит, и у товарищей, подчиненных дух поддержит. Поэтому веселые люди в армии ценятся, задают тон, а привычка воспринимать происходящее с юмором становится такой же естественной чертой военной жизни, как дисциплина и умение обращаться с оружием. Иногда армейские шутки бывают грубоватыми, не совсем приличными. Но такая уж специфика. Они ведь и предназначаются не для сборников изящной словесности или элитных салонов, а для такого же окружения. Грубоватого, не затрудняющего себя подбором слов и выражений, но простого, честного и открытого, способного оценить, где действительно смешно.

А байки – это особый вид фольклорного творчества. Их не рассказывают, их «травят». Примерно так же, как анекдоты. Но анекдоты рождает народная фантазия. А основой байки становится какой-нибудь реальный случай. Может быть, совсем мелкий, незначительный, но неординарный или курьезный, способный заинтересовать собеседников. Их травят друг другу в армейских курилках, каптерках, дежурках, на товарищеских застольях. Конечно, при этом какие-то детали и подробности могут стираться, искажаться, варьироваться – чтобы звучало лучше. Вот я и предлагаю читателям подборку баек, собравшихся у меня за годы офицерской

службы. В некоторых из них я сам принимал участие или был свидетелем. Другие слышал от сослуживцев. Ну что ж, за что купил – за то продаю...

Армейские байки

Гусарские традиции

Однажды в Монинскую академию приехали в командировку молодые офицеры-летчики – на какие-то курсы повышения квалификации. Остановились в гостинице, а дальше, как водится, отправились погусарить. Отметиться за приезд, за знакомство, за папу, за маму. Отметились очень основательно. Так основательно, что даже с девушками уже, оказалось, познакомиться нереально. Двинулись обратно на автопилоте. Но неподалеку от гостиницы, на стадионе, лошадь увидели. Уж что она там делала, неизвестно. А у одного из летунов разыгралось гусарство в полную силушку. Решил показать, что он и с этой техникой управляться умеет. Взгромоздился верхом на сивку-бурку, доехал на ней до гостиницы. Да еще и мало показалось. В двери конягу направил, кое-как протиснулся и въехал на ней на третий этаж. Дальше автопилот ему подсказал, что уже прибыли, он сполз с лошади в свой номер, где и вырубился.

Конечно, шум поднялся колоссальный. Да и немудрено – и администрация гостиницы, и вся служба тыла, и начальство академии оказались на уши поставлены. Как скотину обратно извлечь? Она же вниз по лестнице идти не хо-

чет! Упирается, боится. А коридоры и лестницы узенькие. Не развернешься, чтобы ее каким-то образом поддерживать, подталкивать или силком выносить! В общем, все намаялись и головы изломали, пока лошадушку каким-то образом сумели спустить с третьего этажа и выставить из гостиницы. Ну а скандалище замутился такой, что докатился до управления кадров Министерства обороны, где и предстояло решать судьбу виновника.

А главным инспектором Вооруженных сил по кадрам был в ту пору знаменитый маршал Семен Михайлович Буденный – уже очень старенький и дряхленький, для него специально нашли спокойную должность на остаток жизни. Когда он узнал, что произошло, страшно раскипятился:

– Что?! Лошадь мучить? Да как он посмел! Да за такое – под суд!.. Под трибунал!

Порученцы увидели, что воздаяние может оказаться совершенно неадекватным содеянному греху, пытались как-то смягчить. Но старый кавалерист Буденный ни о каком послаблении даже слышать не желал. Возмущался и сокрушался:

– Лошадь мучить – последнее дело!

Но подчиненные своего маршала хорошо изучили и смаковали с другой стороны: а вы, мол, оцените, Семен Михайлович – летчик, да еще в пьяном виде, сумел верхом на третий этаж заехать! Это же не каждый кавалерист смог бы!

И впрямь, помогло. Тронул он седые усы – видать, припоминая собственную молодость. Задумался, постепенно расплываясь в улыбке:

– Да, это верно! Лихой офицер! На третий этаж – это да! Молодчина... Но с другой стороны – все же нехорошо, лошадь-то мучить...

В результате любитель верховой езды, считай, вышел сухим из воды. Отделался всего лишь выговором.

На чем горели шпионы?

Наверное, книжки про Джеймсов Бондов читали все. Как они там лихо орудовали, наших вокруг пальцев обводили! Но вот какой случай произошел на испытательной базе в Ахтубинске. Там была одна дальняя площадка с «особым режимом». То есть, внутри общей закрытой территории она была еще и отдельно огорожена, имела свою проходную. Чтобы попасть туда, нужно было не просто пропуск показать, а еще и специальный вкладыш. Хотя это только теоретически. Служебная зона была огромная. Чтобы попасть из одной части в другую, надо было или попутку ловить или на своих двоих шагать несколько километров. А дальняя площадка, о которой идет речь, оказывалась в прямом смысле дальней – в том числе от начальства. Поэтому пропусков там никогда не проверяли, солдаты-контролеры балдели и бездельничали. Офицеры, которые там проводили работы, спокойно шли мимо, даже руку в карман не совали. «Особые» вкладыши большинство даже не брало с собой. Еще потеряешь, неприятностей не оберешься!

И вот как-то утром идут на службу вереницы людей. Как обычно, не обращают на контролеров никакого внимания. Но один вдруг подошел к проходной, увидел, что там бойцы стоят и плакатик «Стой! Предъяви пропуск!». Остановился, замаялся и повернул назад... Если бы, как все, шагал даль-

ше без пропуска, то и прошел бы. Но такое поведение солдат крайне удивило. Тащился сюда несколько километров – и в обратную сторону! Человека задержали. Отговариваться он начал слишком неубедительно, сразу ясно, не «здешний». Тут уж подъехали из комендатуры, режимщики из штаба. У неизвестного нашли паспорт иностранного туриста, хотя по-русски он говорил чистейше. А откуда он взял форму, служебные документы, как и зачем попал на территорию испытательного центра, это уже выясняли другие органы, и посторонним не сообщали. Вот так! Русского разгильдяйства не учел! А бдительные разгильдяи получили заслуженные десять суток отпуска.

Сыны степей

К востоку от Нижней Волги, по степям, лежали огромные, на сотни километров, полигоны ВВС. Когда проводились испытания со сбросом бомб или пусками ракет, об этом положено было информировать соответствующие обкомы партии. Дело в том, что по степям кочевали и казахи с отарами овец. Предполагалось, что обком должен оповестить те или иные колхозы, а они – своих пастухов, чтобы в такой-то квадрат не совались. Хотя доходили ли эти сведения до колхозного руководства, трудно сказать. А до самих пастухов они точно не доходили. Где их искать-то по бескрайним степям? Как с ними связываться? Похоже, партийная и колхозная администрация относилась к вопросу философски и предоставляла его на волю Аллаха. Стойбища были малочисленные, бродили далеко друг от друга. Авось не заденет. А если и заденет отару, убьет несколько овец – кто их там считал-то? В иной год от бескормицы все равно гораздо больше подохнет...

Жизнь у этих пастухов была совершенно патриархальной. Кочевали так же, как их предки сотни лет назад. Только раньше для бая овец пасли, а теперь для колхоза. Для рядовых казахов в этом особой разницы не просматривалось. Для них что бай, что председатель были очень далекой и высокой величиной. Несколько семей или одна большая семья

из нескольких поколений постепенно перетекали с места на место, лишь изредка приближаясь к очагам «цивилизации».

И как-то раз на одном из полигонов при испытательных стрельбах потерялась боевая часть ракеты. Искали-искали, так и не нашли. Случай, конечно, неприятный – бумажной волокиты много, объяснять, докладывать, списывать потерю. Но в общем-то ничего экстраординарного, периодически подобное случалось. Мало ли, куда могла закатиться или зарыться такая штукавина? В общем, отписались и забыли. Прошло довольно много уже времени, как вдруг с «верхов» разразилась страшная буря с громами и молниями. И начальника полигона снимают – за халатность и безответственность... Что же, оказывается, случилось?

Как выяснилось, на боевую часть наткнулись казахи. Она представляла собой стальной цилиндр, наполненный взрывчаткой и покрашенный в ярко-оранжевый цвет – как раз для того, чтобы удобнее искать было. Но пастухи о таких вещах вообще не задумывались, а металл в степи – редкость. Они сочли находку очень полезной и прихватили с собой. Оранжевый цилиндр долго путешествовал по степям во вьюках лошадей и верблюдов. Хозяйство в кочевьях было близко к натуральному, и боевую часть использовали в качестве походной наковальни. Благо, взрывчатое вещество, которое использовалось в этой ракете, на удары не реагировало. Но вот однажды в море степей это стойбище встретило других казахов, точно таких же. Событие не частое, по местным мер-

кам – праздник. Зарезали барана, решили делать шашлык. Однако набрать в степи подходящих камней тоже непросто, поэтому для устройства мангала с одной стороны костра положили «наковальню». Вот такого обращения с собой боевая часть уже не выдержала... А начальнику полигона пришлось отвечать, когда от уцелевших казахов узнали, откуда они притащили взорвавшийся предмет.

Шуточки

Розыгрыши на службе очень любят. Свои особенные приемы шуточек существуют в разных видах и родах войск – у артиллеристов, связистов, танкистов. У моряков, например, новичку могут дать напильник и поручить ему подточить якорь, чтобы лучше в грунт входил. Или на камбузе дать задание продувать макароны. А в авиации самый эффектный, «классический» розыгрыш практиковался зимой, где-нибудь на дальней стоянке или полевом аэродроме. В общем, там, где стационарного сортира нет.

Зимний комбинезон, летный или технический, застегивается спереди на молнию, а сверху еще теплая куртка надевается. Если кому-то приспичит по-малому, все просто. Расстегнул комбинезон – и пожалуйста. А вот если по-большому, дело гораздо сложнее. Нужно снять куртку. Потом расстегнуть комбинезон. Спустить его с плеч и со спины. Протащить вперед между ног, открывая сиденье. Дальше спустить то, что под комбинезоном надето. И уж потом присаживаться, собрав большим комком и держа в охапке всю спущенную часть комбинезона.

Вот эти сложности и использовали для розыгрыша. Товарищи видят, что человек суетится, бумажку ищет и за сугробы побежал. Пока он со своим костюмом возится и присаживается, кто-нибудь незаметно подбирается сзади и подсовы-

вает под него лопату. Они на стоянках всегда есть – широкие, фанерные, для уборки снега. А едва жертва нужду справит, лопата с его отходами быстренько назад убирается. Соответственно, исчезает и шутник, который ее подсовывал. А человек встает. Начинает свой костюм в обратном порядке расправлять и напяливать. Комбинезон, потом куртку. Оглядывается – и ничего не понимает. Он же чувствовал, что производил – а произведений нет! Озирается, тычет в снег сапогом или валенком. Нет – и все!

Покрутившись так и эдак, он машет рукой на нерешенную загадку. Возвращается на стоянку или в каптерку. А тут-то и начинается главное развлечение. Сослуживцы вдруг принимают носы морщить и ворчать:

– Фу! Откуда дерьмом несет?

– Ага, точно... Запах откуда-то...

– Да, воняет... прямо живым дерьмом, будто где-то рядом...

Задержается жертва, занервничает. Он же под собой ничего не обнаружил! Его одолевают сомнения. Улучив момент, он снова бежит за сугробы. А все уже за ним следом – подсматривать и потешаться. Он пыхтит, опять куртку стаскивает, комбинезон спускает и все, что под ним. Начинает свою амуницию перетряхивать и исследовать. Ведь, наверное, где-то в одежде, в складки попало и прилипло. Ничего не найдет, вернется – но повторяется то же самое:

– О! Чуешь! Опять будто потянуло...

– Ага... Только что вроде бы развеялось, и снова воняет...

Он помнется-помнется, и второй раз бежит. И так до тех пор, пока кто-то из шутников не выдержит, разоржется. Либо пока их мишень не догадается, что ее разыграли.

Прогулялись

Как-то в Болгарии проходил международный молодежный фестиваль. И туда решили послать делегацию армейских комсомольцев. Но рядовой и сержантский состав, ясное дело, даже близко от нее не оказался. Заграница! Хоть Болгария и была «соцстраной», но в советское время попасть туда было сказочной удачей. А уж для военных – только по службе. В ходе жесткой конкурентной борьбы в списки набирали штатных комсомольских работников, у которых «лапа» хорошая в вышестоящих политорганах, чьих-то высокопоставленных дочек, не поступивших в институты и пристроенных где-нибудь в штабах, полезных для знакомств тылови́ков, девиц из военторга.

Делегация пробыла там неделю. Вернулись счастливчики в полнейшем восторге: «Вот это да! Просто бесподобно!» Тем, кто в число счастливчиков не попал, конечно же, интересно. Насели, расспрашивают – ну и как там за границей, что было, какие впечатления? «Впечатления – вообще фантастика! Только и делали, что поддавали – и по девкам!». Разумеется, эта тема вызвала особое внимание слушателей. «Ну и как они, болгарки?» «Да какие болгарки! Мы с нашими бабами!» «А вино какое там, лучше, чем у нас продают?» «Кто его знает! Мы водки с собой набрали». «Ну а как вообще Варна? Как фестиваль?» Они переглянулись и недоумен-

но пожали плечами: «Да мы и не видели. Всю неделю из гостиницы не вылезали...»»

«Красные» и «белые»

На 7 ноября в 1977 году был назначен парад в честь 60-летия революции. Как обычно, для этого выделили парадные расчеты от училищ и академий. Выбирали лучших строевиков, тренировали до седьмого пота. А когда начались репетиции в Москве, курсанты и слушатели вдруг узнали, что им предстоит маршировать не в своей форме, а в исторической, красноармейской, ее специально пошили для колорита революционного юбилея.

Что ж, надо – значит, надо. Каждому выдали буденовку, длиннющую шинель, ботинки с обмотками, винтовку-трехлинейку. Снаряжение совершенно непривычное. Пришлось снова до семи потов строевой заниматься, пока не освоили маршировку в видоизмененном облике. Но все-таки отработали безупречно. Научились вышагивать не хуже, чем обычно. И вот настало время генеральной репетиции. А на нее привезли исторического консультанта, какого-то дряхлого старичка-большевика. Промаршировали перед ним блестяще. Но он увидел – и аж за сердце схватился:

– Да вы что? Разве это красные? Это же белогвардейцы! Офицерские полки! Красные никогда так не ходили!..

Пришлось в спешном порядке переучиваться. Строй специально «сломали», нарушив строгое равнение в шеренгах. Ногу «сбили» – чтобы шагать не всем разом, а «горо-

хом», вразной. Неизвестно сколько раз через матюгальники всем внушали – не «печатать» шаг ударом всей подошвы, а ступать помягче, на каблук. Штыки винтовок «развалили» – чтоб смотрели с небольшим наклоном, у одного вправо, у другого влево, и чтобы колебались при ходьбе. Лишь тогда старый большевик удовлетворенно заулыбался:

– Во! Теперь то, что надо! Вот это действительно красные!

Что написано пером...

Где-то в 1930-х годах вышел приказ Наркома обороны: командир полка, увольняющийся из рядов Красной армии, имеет право взять с собой лошадь. Ведь тогда любому командиру лошадь полагалась. Скотина привыкала к хозяину, он – к ней. Вот и проявили уважение к старшим начальникам. Уходишь на покой – можешь забрать свое транспортное средство. Шли годы. Командиров стали возить не кони, а машины. Да и вообще лошади со службы постепенно исчезли. Ясное дело, что и забирать их перестали. Но приказ отменен не был. О нем просто забыли.

И вот уже в 1970-х один из командиров авиационных полков случайным образом наткнулся на старый приказ. Заинтересовался. Ему как раз вскоре подоспело время со службой прощаться, и он подал рапорт – прошу выдать лошадь, положенную мне согласно приказу Наркома обороны номер такой-то от такого-то числа тысяча девятьсот тридцать какого-то года. Начальство поразилось. Пыталось беседы вести: дескать, ты в своем уме? Но он стоял на своем: нет, имею право, и вы обязаны меня обеспечить. А не можете – представьте рапорт по команде. Дошло до Министерства обороны. Там штабные канцеляристы принялись проверять, копаться – действительно! Приказ существует, и он не отменен! Стали уговаривать увольняющегося командира: ну за-

чем вам лошадь? Куда вы ее денете в своей квартире? Нет, он уперся: имею право, а уж куда ее девать — мое дело. А пока не удовлетворите мое законное требование, не можете увольнять. Наконец, договорились, выплатили ему стоимость лошади деньгами. Но после этого мгновенно подготовили и подписали у министра обороны приказ об отмене того, старого.

Как выполнять приказы?

Как-то одного нашего офицера, подполковника Н., отправили в командировку в Астрахань. Выполнил он, зачем посылали, надо назад ехать. А был конец лета, сезон отпусков заканчивается, школьники с каникул возвращаются. Он пытался по кассам, на ближайшие дни – глухо. Посылает в часть телеграмму: так, мол, и так, на поезда и самолеты билетов нет, в связи с чем прошу продлить командировку. Но незадолго до того Леонид Ильич Брежнев как раз лозунг кинул: «Экономика должна быть экономной». Соответственно, и в войсках на разных уровнях повторяли указания о сокращении расходов, в том числе командировочных. Вдобавок телеграмму доложили командиру части под дурное настроение. Он разбушевался: как это так – продлить? Это что же получается – офицер за казенный счет будет там бездельничать и пузо греть на волжском пляже? В порыве гнева командир тут же продиктовал ответную телеграмму: **«ВЫЕЗЖАТЬ НЕМЕДЛЕННО ЛЮБЫМ ТРАНСПОРТОМ»** – и за своей подписью.

Но эмоции – ох какой плохой советчик! Подполковник Н. был служакой старым, многоопытным, ему уже до пенсии чуть-чуть оставалось. Приказ у него был, письменный, телеграмма – это же документ! В Астрахани у него были друзья, одолжил у них денег. В части только рты пораскры-

вали, когда получили от него следующую телеграмму: «ВАШЕ ПРИКАЗАНИЕ ВЫПОЛНЕНО ВЫЕЗЖАЮ СЕГОДНЯ ТЕПЛОХОДОМ». Командир, конечно, на стенку полез. Но сделать уже ничего не мог. Мобильников в те времена не существовало. Плывет человек где-то по Волге, и достань его! В общем, подполковник устроил себе прекрасный отпуск с теплоходным круизом от Астрахани до Москвы. Пока плыл, командир успел остыть и понять – сам виноват, спрашивать не с кого. А командировочный, вернувшись в часть, предъявил телеграмму. Финчасть, разумеется, пободалась, подергалась, но вынуждена была оплатить и билеты, и суточные за все время путешествия. Ведь человек строго и пунктуально выполнил поступивший приказ – выехал «немедленно» и «любым транспортом». Так что не придерешься.

Военная кафедра

Свое первое военное образование мне довелось получить на военной кафедре Московского инженерно-физического института. Сразу скажу: подготовку там давали прекрасную, и дубов-преподавателей у нас не было. А вот от дубоватых студентов им порой приходилось серьезно страдать.

Однажды весь наш курс вывезли на полигон училища им. Верховного Совета, чтобы попрактиковаться во владении различными видами оружия. В том числе метали гранаты. Вызывали по 10 человек и отводили в поле, где была вырыта небольшая траншейка с крошечным блиндажиком человека на 3—4. Заводили десяток студентов в траншею, а потом по очереди, под непосредственным руководством офицера каждый бросал боевую эргэдэшку. Один швырнул, другой, третий... Наш начальник потока, подполковник Гордеев, подзывает следующего. Дал гранату и диктует, чтобы тот ничего не перепутал: «Бери в правую руку... выдергивай кольцо... а теперь бросай...» Но студент-то оказался левшой! И перед броском автоматически переложил гранату в левую руку. Из правой.

Для непосвященных поясню, что у гранаты есть чека — скоба такая сбоку от корпуса. Когда кольцо выдергиваешь — это удаляешь контровку, фиксировавшую чеку. Дальше она только рукой прижимается, которой гранату держишь. А при

броске чека вылетает – и пошел отсчет секунд до взрыва. В данном же случае чека вылетела при переключивании из руки в руку. И отсчет секунд уже пошел, когда студент, не торопясь, начал замахиваться. Ужаснувшийся подполковник тут же выбил у него гранату, ударив по руке. Она шлепнулась на гребень бруствера и покатила обратно в траншею. До сих пор осталось непонятным, как смогли 11 человек втиснуться в блиндажик, с трудом, впритирочку, вмещавший четверых. Но втиснулись. Причем за считанные секунды. А граната не докатилась. Остановилась, наткнувшись на какой-то комок или камешек, и бабахнула на бруствере.

Но мало того: на том же занятии были еще и стрельбы из пистолета. И тому же Гордееву опять не повезло. У Валерки Аверина вышла осечка. Он, как положено по наставлениям, взвел курок пальцем и щелкнул еще раз. Опять осечка. И третий раз то же самое. Доложил:

– Товарищ подполковник, у меня осечка!

Тот подошел:

– Как осечка?

– А вот так! – показывает. Взводит курок пальцем, оборачивается, наведя дуло прямо в живот преподавателю и нажимает спусковой крючок...

Подполковник при щелчке тут же залег, плюхнулся в грязь. Потом вскочил, отнял у студента пистолет – и уже по инерции, взведя еще раз курок, направил в сторону мишеней. Раздался выстрел... После таких нервных встрясок у

Гордеева на руках началась экзема, и он долго приходил на занятия в перчатках.

Доклад

На военной кафедре на втором году обучения наш взвод принял новый преподаватель. Для начала проверил внешний вид и приказал некоторым студентам в обеденный перерыв сходить в ближайшую парикмахерскую. Там собралась очередь из других взводов, и Саша Кобытов вернулся с опозданием, занятия уже начались. Стучится робко в аудиторию, заходит и докладывает:

– Можно?... Я постригся...

Наш подполковник стал его поправлять, как правильно докладывать.

– Во-первых, вы должны обратиться ко мне по званию. Ну кто я такой? Генерал? Или, может, ефрейтор?

Тот уставился на подполковничьи погоны, секунду помедлил и брякнул:

– Товарищ майор!..

Когда хохот немножко утих, он все же сумел поправиться и продолжил:

– Товарищ подполковник! Я постригся!

– А кто такой – вы? Почему не называете себя?

– Так вы же знаете, вы сами меня отправляли. И в журнале записано...

– Мало ли, что записано! Положено называть звание и фамилию!

– Товарищ подполковник! Студент Кoryтов постригся!

– Уже лучше. Но только что значит «постригся»? Разве так докладывают? Я дал вам приказание. Вы его выполнили. И вы должны четко, по-военному, доложить о его выполнении. Ну?

Парень опять задумался, а потом четко, по-военному доложил:

– Товарищ подполковник! Студент Кoryтов постриг принял!

Глазомер, быстрота...

Однажды дежурным по кафедре был подполковник Иорданов. Ходил он, ходил по коридору, видать, скучно стало. А в углу, в фанерном ящике, стояли два пенных огнетушителя. Подполковник взял один. Посмотрел бирку – когда заправлен и когда проверка проводилась. Что-то там в головке поковырял от нечего делать. И вдруг огнетушитель у него в руках зашипел, ожил и стал пеной плевать. Он не знает, что делать – сориентировался, направил струю на батарею отопления и кричит:

– Дневальный! Дневальный!

Дневальный-студент услышал, мчится к нему, бухая кирзовыми сапогами. Видит, стоит офицер с огнетушителем и зачем-то батарею поливает. Дневальный с ходу хватается второй огнетушитель, переворачивает, стучает, как положено, шляпкой по полу, становится рядом с Иордановым и тоже направляет струю на батарею...

Рекордсмены

На экзаменах по военной подготовке в каждый билет входило выполнение нормативов: разборка и сборка автомата Калашникова и снаряжение магазина патронами. По второму нормативу абсолютный рекорд всех выпусков нашего института поставил Саша Селин. Он сумел вместо 30 патронов забить в магазин автомата 31. Кто-то подшутил, подкинул ему лишний. Он не заметил, старается, заряжает. А последний патрон вдруг не лезет! Но Саша все силы напряг, каким-то образом сдвинул пружину, втиснул, пальцем сверху прижимает и докладывает – выполнил! Хотя палец напряжения не выдержал, патрон вырвался, взвился под потолок, и хлопнулся прямо на преподавателя. Пришлось пересдавать.

А рекорд по разборке АКМ установил Володя Домогацкий. Разобрал за три секунды! Он одним стремительным движением вышиб из приклада пенальчик с принадлежностью, вторым движением одновременно выбил магазин и шомпол, а третьим – изо всех сил шархнул автоматом о стол. Учебные автоматы на кафедре были настолько разболтанными от постоянных сборок-разборок, что при ударе АКМ сам рассыпался на части. Но Домогацкий получил четверку. На балл снизили за то, что части лежали не в установленном порядке.

Ядерные удары и панфиловцы

Принимать государственные экзамены по военке к нам приезжала комиссия из московских академий. Одним из основных предметов была тактика. Специальность у нас была – командир мотострелкового взвода химической разведки, а взвод химразведки часто действует один, в отрыве от основных сил. Задачи были соответствующие. К билету прилагалась карта и условия: где твой взвод, где и какой противник – и вопрос, как будешь действовать.

Хотя некоторые условия задач случались очень уж неординарные. Вот, например, запомнилось: «Вы командир мотострелкового взвода. Занимаете оборону по склону высоты такой-то. На вас движется рота противника с двумя танками. По правому флангу вашего взвода нанесен ядерный удар мощностью 1,5 килотонны. Ваши действия?» Вы, случайно, не знаете, как решить эту задачу? Я до сих пор не знаю, и хорошо, что мне попалась другая.

Но и без ядерных взрывов на экзаменах хватало захватывающих моментов. Один из студентов у нас вообще не врубался в топографию. Карта для него была бессмысленным клочком бумажки, и при разборе решения он «поплыл». Его уже наш преподаватель перед лицом комиссии стал исподволь вытаскивать:

– Вы правильно сказали, что через реку будете переправ-

ляться по мосту. Вот и покажите, где этот мост.

Несчастный понял, что терять ему уже нечего. Уставился на преподавателя: может, еще что-нибудь скажет? А сам, не глядя на карту, наугад ткнул пальцем:

– Вот! – и ведь попал именно куда нужно.

А у другого парня на тактике был «пунктик». Он в любых случаях уходил в глухую оборону. Допустим, по условиям задачи движется он взводной колонной на БМП, откуда-то из леса его начинает обстреливать одинокий пулеметчик. Или где-то мелькнула группа пехоты противника. Решение у него было всегда одно: «Занимаю круговую оборону и держусь до последнего патрона». Наш-то подполковник его особенность знал. Чтобы не осрамился на госэкзамене, подкинул ему соответствующую задачу. С одной стороны на его разнесчастный взвод прет две роты пехоты, с другой – вражеские танки, артиллерия обстреливает, авиация бомбит. В общем – ад крошечный! Но студент подумал-подумал и вдруг выдал решение: «Вперед!» Преподаватель так и сник. Но член госкомиссии, пожилой полковник с многочисленными наградными планками, неожиданно похвалил: «Что ж, опыт Великой Отечественной войны показывает, что иногда подобные действия имели успех...»

Подобную пенку, с «опытом Великой Отечественной», отколол и Валерка Косовский. В задаче его взвод был атакован танковым батальоном ФРГ. Изобразив сосредоточенность на лице, Валера стал докладывать бодрым и уверенным голо-

сом: «Я считаю, что мой взвод в состоянии выполнить поставленную задачу, уничтожить противника и...»

– Молодой человек, – оборвал его удивленный член комиссии, – У вас сколько людей во взводе?

– Двадцать семь.

– А сколько танков в батальоне ФРГ?

Этого Валера не знал и принялся гадать:

– Тридцать?

– Больше.

– Сорок?

– Больше.

– Пятьдесят?

– Почти. Пятьдесят четыре. Так как же ваши двадцать семь человек их уничтожат?

Но Валера, ни секунды ни задумываясь, брякнул:

– А панфиловцы?!

На это у его оппонента никаких аргументов не нашлось.

На «точках»

Гарнизоны бывают разные – большие и малые, благоустроенные и «дыры». А были еще и «точки». Совсем крохотные гарнизончики, заброшенные в глубины лесов или степей. Например, у нас, в авиации, «точки» обслуживали разную аппаратуру слежения и контроля. Попастъ туда можно было только рейсовым вертолетом либо машиной – после нескольких часов трудной и изнуряющей езды. Кучка домов, обнесенных забором, а во все стороны – степь да степь кругом. Тут было все вместе – и служба, и быт. Несколько десятков солдат и офицеры двух сортов. Или молодежь, попавшая сюда после училища и мечтающая выбраться, или «штрафники» с полным набором дисциплинарных взысканий и посланные в качестве наказания.

Школы на «точках» были только начальные. Одна учительница из офицерских жен преподавала в одной комнате группе детишек из разных классов. Детей постарше не было. Их отцы уже успевали перевестись в более крупный гарнизон. Либо матери не выдерживали – уезжали. Ну а «штрафники» чаще бывали уже основательно спившимися и разведенными. Детского сада не требовалось – ведь работать женам офицеров было почти негде. Одна в школе, одна продавщицей в магазинчике с пустующими прилавками. А дети все равно были на виду, на одном пяточке между тем же ма-

газинчиком, штабом, казармой и жилыми домами.

Все развлечения исчерпывались охотой и рыбалкой – если в доступном радиусе есть речка. Чтобы телевизоры принимали хоть какую-нибудь станцию, местные умельцы изобретали самые причудливые антенны. Например, из нескольких решеток арматуры, сваренных вместе наподобие локатора. В общем, жизнь там была особенной, и служба тоже. Однажды в ходе испытаний приехали на одну из «точек». Питаться там негде, кроме солдатской столовой, а для этого нужно у начальника аттестаты подписать. Долго ждали его в здании штаба, но он и к полудню не появился. Дневальный подсказал: «Да вы домой к нему зайдите». Зашли, это в соседнем здании. Дверь открыта. По полу россыпь бутылок, а на кровати начальник в форме. Старший лейтенант, хотя возраста солидного, совсем седой. Едва растолкали и едва объяснили, чтоб аттестаты подписал. Он мычит: «Пр-приехали на м-машине?» – «Да, на машине». – «Хор-ршо... на охоту поедem... на с-сайгаков». Говорим: ни на какую охоту мы с тобой не поедem. «Ах, так? Тогда не п-подпишу...» Ругались до тех пор, пока до него не дошло – если не подпишет, не отвяжемся и спать не дадим. Но это было для «точек» обычное дело. А случилось и необычное.

Как-то раз на одну из дальних «точек» прислали солдата-казаха. Причем оказалось, что у него родные живут недалеко (по местным меркам). Он и попросился у командира в увольнение. А тот растерялся. Сколько лет там служил –

никому увольнений не требовалось. Куда там пойдешь-то? Но просьба казаха была вполне законной. Командир открыл Устав, что там про увольнения написано. На «точке» даже бланков увольнительных записок не было, запросили привезти очередным вертолетом. Кроме того, в Уставе значилось, что увольняемых положено инструктировать, и в дни увольнений назначать патрули – чтобы проверять увольнительные записки и правила поведения.

Казаха проинструктировали все имевшиеся начальники от командира отделения и выше. И специально ради его увольнения был назначен патруль из трех человек во главе с сержантом. Ну и пошагал солдатик к своим родичам. Но патрулю, видать, наскучило ждать бойца для проверки увольнительной. Он следом в степь подался. А под вечер казахи привезли на лошадях патрульных, напоенных в стельку. На лошади приехал и их родич – трезвый, по форме одетый и четко доложивший о прибытии из увольнения. После этого никаких патрулей больше не назначали и увольнительных казаху не выписывали – так отпускали.

Солдаты из подземелья

Были в армии и такие глухие места, где жили и несли службу всего по несколько человек. Однажды командующий Северо-Кавказским военным округом на вертолете облетал несколько дальних гарнизонов, и выразил вдруг желание осмотреть такой пункт. Глянули по карте, где он должен быть, нашли нужные посадочные знаки. Приземлились, командующий вышел с порученцами и смотрят вокруг – туда ли попали? Рядом несколько бугров и больше ничего. И вдруг откуда-то из-под земли полезли люди. Грязные, обросшие бородами, полуголые. Один спрашивает: «Что, воду привезли?» А когда услышал, что нет, оборванцы разочаровались и полезли обратно. Как выяснилось, это были солдаты. Настолько одичали, что даже на генеральские погоны перестали обращать внимание.

«Тонким слоем...»

На одной из дальних «точек» стало известно, что к ним приезжает важная комиссия – будет проверять техническое состояние аппаратуры, ее содержание и обслуживание. Командир собрал подчиненных и приказал:

– Все срочно привести в порядок! Отладить, провести регламентные работы, почистить. Выписать спирт – и чтобы на этот раз ни капли на сторону не ушло! Все, сколько положено, только на аппаратуру!

Подчиненные козырнули – «есть», засуетились, все в срок подготовили и протерли. Приезжает комиссия. Предлагает посмотреть, как их оборудование действует. Включают – и вдруг телеметрические станции выходят из строя. Все сразу! Одним махом! Командир стоит, глазами хлопает и руками разводит – ведь никогда такого не бывало! А тут, при комиссии – и на тебе! Но в комиссии были и специалисты соответствующие. Что ж, говорят, давайте разберемся. Пошли по станциям, вместе с обслуживающим персоналом копаются, расспрашивают:

– Значит, говорите, регламентные работы перед этим проводили? А что конкретно делали? Эти клеммы чем протирали, спиртом? А эти платы тоже спиртом протирали? Чистым?

– Ну конечно!

– Вот теперь все ясно...

Тут-то и выяснилось, что некоторые платы чистого спирта категорически не переносят. Его нужно разбавлять в довольно слабенькой пропорции. А заодно выяснилось, что обслуживающий персонал о подобной тонкости абсолютно не знал. Потому что спирт до аппаратуры не доходил никогда. Никакой. Ни чистый, ни разбавленный.

Таинственный отец

Мой сослуживец Сергей Надтока в пору лейтенантской молодости попал служить на «точку» в приволжских степях. Он уже женат был, приехал с семьей. Привезли и свою кошку. Животное быстро стало всеобщей любимицей. Мирок на «точке» замкнутый, жизнь однообразная. Даже телевизор только одну программу с грехом пополам показывает. Так что за кошачьими похождениями понаблюдать – и то развлечение. Устроит какую-нибудь шалость – для всех потеха, свежая тема для разговоров. Гуляет киска, лазит там и тут... Но вдруг обитатели «точки» начинают замечать, будто у нее животик начал расти. Причем по местным меркам это стало настоящей сенсацией. Потому что ни одного представителя кошачьего племени, кроме нее, там не было! А до ближайшего населенного пункта, где мог обитать какой-нибудь котятра, насчитывалось километров 150.

Сперва засомневались. Спорили, действительно ли киска непраздной стала? Может, глисты? Или обожралась чего-то? Но факты – упрямая штука. Даже необъяснимые. Вскоре стало однозначно ясно – ждет приплода! Сами понимаете, такое открытие только усугубило интригу. В монотонном однообразии «точечной» жизни тайна кошкиной беременности надолго стала центром общего внимания.

Гипотезы возникали самые разнообразные. Одни по

штабным картам высчитывали расстояния до ближайших населенных пунктов. Прикидывали максимальную скорость кошачьего бега и вычисляли, за какое время она могла бы туда и обратно смотаться. Но другие припоминали, что она каждый день на виду вертелась. Да и вообще указывали, что для расстояния в 300 километров максимальную кошачью скорость брать нельзя. А с поправками на усталость концы с концами и подавно не сходились. Появлялись и версии совершенно мудреные. С предположениями, что у кошек существует какая-то связь на расстоянии. Вдруг кавалер бежал ей навстречу? Тогда каждый преодолел лишь половину дистанции...

Потом стали вспоминать, что где-то в предполагаемый период поблизости кочевали казахи со своими отарами. Однако нашлись свидетели, которые определенно уверяли – у казахов котов не было. Только лошади, овцы и собаки. Когда прозвучали упоминания о собаках, все стали на кискин живот с еще большим интересом поглядывать – уж не получится ли там какой-нибудь неведомый гибрид? Но один солдат оказался студентом, отчисленным с третьего курса биологического факультета. Он вполне научно доказал, что подобные гибриды невозможны. После его разъяснений пришлось признать, что собаки тут ни при чем. Как и кони, бараны, сайгаки, тушканчики, суслики, змеи, налимь... В таком случае осталось только развести руками и ждать, когда тайна разрешится сама собой...

Ждали с напряженнейшим нетерпением. И дождались. Родились у всеобщей любимицы, конечно же, не щенята и не ягнята, а самые что ни на есть котята. Но только очень крупные. И с кисточками на ушах. А вскоре и папаша пожаловал – видать, роженицу и свое потомство проведать. Смотрят – в кустах за помойкой, в самом дальнем углу двора сидит здоровенный камышовый кот. Так он и начал приходить в гости – к людям не приближается, перескочит через забор и ждет, когда подруга со всем выводком к нему прибежит. По-своему пообщаются, понюхаются, помурлычут и расходятся каждый в свою сторону – она к себе, он к себе.

Желающих заполучить этих котят было много – почти все офицеры и прапорщики. Пришлось на бумажках по жребию разыгрывать – уж больно красивые котята. Расцветку домашней кошки сохранили, но большие, сильные и с кисточками. Однако никому стать их хозяевами не обломилось. Котята по характеру получились в папочку – злые и дикие, никому в руки не давались. А когда подросли, то так и ушли вслед за отцом в речные заросли.

Когда жениться?

Армейским политработникам до всего было дело. Они же отвечали за воспитание, за морально-политический облик личного состава. Поэтому полагали, что обязаны влезать в любые вопросы – и в служебные, и личную жизнь контролировать, регулировать, наставлять. Как-то в штабе группа молодых офицеров шла по своим делам, а навстречу замполит. Увидел их, и ни с того ни с сего привязался к старшему лейтенанту Яновичу:

– Слушай, Янович, что ты до сих пор холостяком ходишь? Так не годится! Когда женишься, а?

А тот посмотрел на часы, головой покачал и серьезно отвечает:

– Знаете, товарищ полковник, сегодня, наверное, уже не успею. Разве что завтра...

Замполит опешил, рот открыл – а что сказать, не находит.

Стенгазета

Однажды в соседнем подразделении вывесили новогоднюю стенгазету. Понятное дело, вокруг нее собрался народ. Стоят, смеются, разглядывая карикатуры – там было несколько хороших художников, они неплохо рисовали. А мимо замполит шел. Услышал смех – и тоже туда. Толпа, конечно, расступилась, пропустила его вперед. Он посмотрел, почитал, потом обернулся, строго глянул на ржущих и спросил:

– Я не понимаю, а что здесь смешного? Хороший, здоровый юмор!

Четкий замер

Как-то наш замполит забежал в комнату дежурного, чтобы оттуда позвонить. Набрал номер, соединился с нужным ему человеком и орет в трубку:

Слушай, у тебя гвозди есть?

– На другом конце провода спрашивают – какие? Он прикинул и показывает, разведя пальцы:

– Ну примерно вот такие!

Поздравление

В день 8 Марта нашему замполиту кто-то позвонил.

– Товарищ полковник, разрешите поздравить с праздником!

Он расплылся от удовольствия:

– Спасибо, конечно, только я же все-таки не женщина...

– Не знаю, женщина или нет, но б... порядочная!

Тот аж подавился. Заорал:

– Это кто говорит?

А ему:

– Все говорят! – и повесили трубку.

Но конец этой истории был вообще загадочным. Конечно, сам замполит не рассказывал о ней. Да и неизвестный собеседник не стал бы рисковать, болтать о своей шуточке. Но о ней откуда-то узнала вся часть.

Одуванчики

Как-то раз на Чкаловском аэродроме встречали космонавтов. Как обычно бывало для таких случаев, от разных частей гарнизона выделили партии офицеров. Построили нас на летном поле. Стоим, ждем, когда самолет из Байконура приземлится. Кто-то раскатывает ковровую дорожку. Прибыли телевизионщики, разворачивают свою аппаратуру, чтобы показать в программе «Время», как космонавты будут идти по этой дорожке и рапортовать: «Товарищ председатель Государственной Комиссии!..» Бригада приезжала одна и та же, она уже прекрасно знала, с каких точек и ракурсов надо снимать – чтобы от председателя Госкомиссии попала в кадр только рука, поднесенная к козырьку, без лица и погона со званием.

Но пока ждали самолет, кто-то из командования обратил вдруг внимание, что по всей траве аэродрома густо желтеют одуванчики. Уж не знаю, почему, но это не понравилось. Пролетела команда, и глядим, через несколько минут от казарм показались солдаты. Одни маршировали, других на грузовиках примчали. Развернули цепью и пустили по аэродрому для прочесывания. Ох и зрелище было! Идут цепью солдаты от края до края огромного летного поля – и собирают в букеты цветочки. Вскоре у каждого охапка набралась. Будто целый батальон по девочкам собрался. Или сче-

на из оперетты, и сейчас они, построившись длинной шеренгой с букетами, начнут канканчик отплясывать... Зато через полчаса, когда самолет подрулил к ковровой дорожке и телевизионщики снимали рапорт космонавтов, фон у них был равномерного зеленого цвета. Без единого желтого пятнышка!

Офицерская смекалка

Мой товарищ Володя Мареха был сугубо штатским человеком. Окончил электротехнический институт, работал инженером. И вдруг его, как офицера запаса, призвали на два года. Вернулся старлеем, бравым, подтянутым. Встретились с ним, расспрашиваем:

– Ну и как служилось?

– Отлично. Командовал взводом в войсках связи. Солдаты полюбили, уважали. А в аппаратуре неужели я не разберусь?

Но мы-то знали, что у Володи всегда были проблемы с физкультурой. Смеемся:

– Ты же пять раз подтянуться не можешь. Как же ты со своими бойцами занятия по физподготовке проводил?

Он жмет плечами:

– Элементарно. Строю взвод. Первым выхожу к перекладине. Говорю: «Внимание – я показываю». Подтягиваюсь один раз – медленно, с расстановкой. Потом спрашиваю: «Все видели? Все поняли?» Отвечают: «Так точно!» Командую: «И вот так – пятнадцать раз. Приступайте!»

Не рой другому яму!

Некоторые испытания авиационной техники проходили на заводских базах, и бригаду наших специалистов отправили в другой город. После первого этапа работ большинство вернулось, а один офицер остался, участвовал в подготовке к следующему этапу. Но у него были враги. Настучали, что он там не просыхает, удобными подругами обзавелся. Эти работы курировал заместитель командира части полковник Федосеев, и он решил лично нагрять, застать виновного врасплох.

Однако у офицера, попавшего «под колпак», имелись и друзья, вовремя предупредили. Он успел удалить из гостиничного номера пустую стеклотару и забытые предметы дамских туалетов. Поздно вечером, не известив его, приезжает Федосеев, входит к нему прямо в номер – и видит умилительную картину. Командировочный сидит за столом. Трезвый, опрятный, сосредоточенный. Конспектирует труды Владимира Ильича Ленина! В общем, донос дал совершенно обратный эффект. В глазах заместителя командира офицер в один миг приобрел самую блестящую репутацию. Его начали всем в пример ставить, и благодаря стукачу парень в гору пошел. Хотя у него были и откровенные «залеты». Но другие за такие же вещи взыскания получали, а ему теперь все с рук сходило – списывали на «случайность». Разве мо-

жет быть иначе, если он – образцовый?

Стройбаты

Стройбаты – это было особое явление, особый мир. Призывали в них таджиков, узбеков, киргизов, кавказцев. В общем, как сейчас гастарбайтеры на стройках копошатся, так раньше – стройбатовцы. Качество работы было аналогичным. Но гастеры ради заработка трудятся, а стройбатовцы трудились, чтобы отбыть два года службы. Поэтому при малейшей возможности предпочитали косить. А самым популярным методом увильнуть от выполнения той или иной задачи выставляли плохое знание русского языка. Бойцу объясняют, куда нужно пойти и что сделать, а он заявляет: «Нэ понымай!» Или будет кивать, соглашаться. А потом урулит куда-то совсем в другую сторону, и на вопрос, почему ничего не сделал, разведет руками: «Нэ панымай!»

В один из стройбатов попал солдат-немец по имени Адольф. Советский немец. Уж почему его призвали в стройбат, непонятно. Но прораб был готов на него молиться. Поставил его наподобие надсмотрщика. Адольф летом ходил в замызганной пилотке без звездочки, бриджах с подтяжками на голое тело, сандалиях на босу ногу, а на руке постоянно носил кусок шланга на петле, вместо дубинки. Приезжает прораб на стройплощадку, а вокруг пусто, бойцы расползлись кто куда, по котлованам, кустам, на этажах отдыхают. Кричит: «Адольф!» Тот выплывает в своем живописном

виде, молча идет со шлангом по стройке, и военные строители вылетают из своих углов, как ошпаренные, работа вовсю закипает.

Зарботки стройбатовцев тоже интересовали, но достигались они другим способом. Когда в гарнизоне возводилось здание, бойцы начинали ходить по соседним домам. Звонили в квартиры, спрашивали, не нужно ли чего? Могли что угодно притащить: кирпичи, цемент, кафельную плитку, электрику, ванну. Их прапорщики выступали более солидными коммерсантами. Можно было подойти к любому с целым списком необходимых тебе материалов, оборудования, инструментов. Он и цену назовет, и солдат кликнет, чтобы на место доставили. Удобно. Тем более, в советское время все это было дефицитом. Побегай по магазинам, поищи!

Но из-за этой специфики стройбаты всегда работали «в долг» перед будущим. Чтобы сдать под ключ то или иное здание, им приходилось вместо разворванной сантехники, электрики, стекол, кафеля, привозить другие – предназначенные для какого-то будущего объекта. А для него брали с третьего. «Долг» перед грядущими временами из года в год возрастал, и строительные части просто не могли существовать без большого числа объектов. Одни готовятся к сдаче, другие строятся, третьи только закладываются. А для командиров и прорабов главное было – отслеживать, когда подходят сроки закрытия нарядов. Посмотришь – на стройке в течение нескольких месяцев еле-еле возьмется три или четыре

уроженца солнечной Средней Азии. А потом вдруг с других объектов нагоняют массу техники, солдат, идут вереницами машины со стройматериалами, и работа бурлит в круглосуточном режиме. Это значит, что приближается закрытие нарядов. Разумеется, оставалась масса недоделок, но такое считалось в порядке вещей.

У нас на территории части тоже шло большое строительство. Меня включили в состав комиссии по приемке, и с особенностями стройбатов мы освоились. Спокойно подписывали акты о «приемке с недоделками» и всегда были уверены – отмеченные проколы прораб обязательно устранил. Конечно, не из джентльменской честности. Но в конце следующего квартала он опять к нам прибежит, захочет закрывать очередные наряды. А если обманет один раз, ему не подпишут в другой.

Однако в сдачах объектов обозначился долгий перерыв. Стимул «джентльменских договоренностей» ослабел, и наше начальство приказало членам комиссии – в этот раз никаких недоделок не принимать. Прораб появился 31 декабря, в канун Нового года. Возник с самого утра, вытащил нас прямо с торжественного собрания. У всех Новый год, а ему как раз приперло – конец года. Пошли смотреть и обнаружили: на построенной ими стоянке для автомашин не заасфальтированы въезды и отмостки. Прораб и клялся, и божился, убеждая нас, что все исправит чуть ли не завтра. Ругал наше упрямство, выплескивая все ему известные посло-

вицы, поговорки и идиоматические выражения. Логически доказывал, насколько это глупо. Но ведь у нас был приказ. Поддаться на его уговоры мы никак не могли, а логика против приказов бессильна.

И все же не нам было с ним тягаться в хитрости. Совершенно неожиданно он сдался. Спрашивает: «Ну хорошо. А когда заасфальтируем – вы подпишете?» – «Конечно, подпишем». – «Тогда так и напишите это вот тут на бумаге! И распишитесь». Почему не написать? Составили «расписку»: как только асфальт будет уложен, члены комиссии обещают поставить в акте приемки свои подписи...

Проходит всего-то пара часов. Мы на обед пошли, сидим в столовой, и туда врывается прораб. Дескать, айда за мной, все готово. Мы ему, конечно, не поверили. Но надели шинели, зашагали. Приходим на объект, и снова не верим. Теперь – своим глазам. Действительно, все готово! Одна за другой подкатывают машины с асфальтом, в поте лица трудится целая рота стройбатовцев, фырчит каток, разравнивая покрытие. Ну а прораб нам расписку предъявляет – все, вы обещали! Что ж, мы развели руками и подписали акт. А потом оказалось, что асфальт был уложен прямо на снег.

Экзотическое блюдо

В Калмыкии как-то случился массовый падеж скота. Но нашлись деятели, решившие, что издохшую живность еще можно использовать – скормить ее военным. В тот год в офицерских столовых Северо-Кавказского военного округа появилось новое блюдо – «баранина холодного убоя». Она стоила раза в полтора дешевле, чем нормальное мясо, но воняла так, что экономить рисковали очень немногие.

Загадки русской души

Как-то в начале 1980-х мы с друзьями отправились в отпуск побродить по тверским лесам. Когда я вернулся, видок был еще тот: двухнедельная щетина, ватник, провонявший запахами костров, грязные кирзовые сапоги, старый рюкзак, закопченное ведро. Еду в метро, а рядом трое иностранцев. Пытаются по-английски выяснить, как им проехать на нужную станцию. К одному пассажиру тычутся, к другому – никто их не понимает. А сами они по-русски ни бум-бум. Жестами пробуют изобразить, в схему путеводаителя указывают – ничего не получается. Ко мне они, естественно не обращались: чем им поможет небритый и грязный мужик, то ли колхозник, то ли зэк отсидевший? Ну а я служил в «режимной» части, контакты с иностранцами у нас не приветствовались, поэтому тоже помалкивал.

Но все же жалко их стало. Перед тем, как мне выходить, говорю им: «Зе некст стейшн такая-то, объясняю по-английски, что им надо будет проехать еще две остановки и перейти на другую линию. Они обрадовались неведь как, что нашелся человек, способный их понять! Лопочут «сэнкью, сэнкью», зачем-то переспрашивают: «Ду ю спик инглиш?» Но я развивать знакомство не стал, говорю: «Ноу!» Иностранцы аж обалдели от такого ответа, глазами хлопают, а я вышел из вагона. Что уж они подумали о странном мужике и загадках

«русской души», не знаю.

Язык мой – враг мой

Однажды среди бела дня тяжелая авиационная ракета внезапно врезала по городу Гурьеву. Снесла на окраине два старых барака. Правда, почти все обитатели в момент попадания были на работе, а дети в школе. Но были и пострадавшие. После расследования уволили летчиков, осуществивших злополучный пуск. Как же это случилось?

На соседнем полигоне испытывали самонаводящуюся ракету, предназначенную для уничтожения радиолокационных станций. Разумеется, все близлежащие радары получили запрет на работу. Однако сотрудники Гурьевской станции оказались чересчур любопытными, и захотелось им подсмотреть, чем же это таким секретным военная авиация занимается? Что же такое происходит в воздухе, если им следить запрещают? Врубились они как раз в тот момент, когда ракета пошла на имитатор цели. Сигнал от мощной реальной станции оказался сильнее имитатора, и она тут же перенацелилась на Гурьев. Увидев на экранах объект, несущийся точно на них, операторы локатора смекнули, что нажили себе крупные проблемы. Но смекнули-то поздно, ракета уже «взяла» их в качестве цели. Вообще-то можно было просто разбежаться, оставив аппаратуру включенной, тогда разнесло бы только локатор. Однако перепуганные операторы выключили станцию. Ракета потеряла сигнал и в последний мо-

мент немного отклонилась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.